

ГОВОРЯТ, что каждая птица перед бурей летит в свою стаю. Я не знаю, был ли знаком Андрей Платонов с Анной Ахматовой лично. Но он оставил о ней, о ее судьбе слова, достойные того, чтобы их повторить сегодня. Он писал в 1940 году: «Будем же ценить поэта Ахматову за неповторимость прекрасных слов, потому что она, пронизав их, трогает слишком много для нас, и будем неистощимы к ней в своей признательности». Эти достойные слова, как мне кажется, и дают нам возможность считать их, и Ахматову, и Платонова, птицами одной стаи и одного дальнего полета в будущий мир человечества.

Думая об Анне Андреевне Ахматовой, я вспоминаю сырой мартовский день 1966 года, когда мы стояли у гроба этой удивительной по своему таланту и характеру русской женщины, с которой мир прощался навсегда. Я смотрел на ее высокий гордый лоб, на неподвижные ресницы, на классический нос с горбинкой, на плотно сжатые, с чуть затененной улыбочкой губы и говорил тогда о том, что она, Анна Андреевна Ахматова, уже становится достоянием мировой культуры, что, уходя из этого мира, она оставляет ему свою поэтическую душу, свои пронзительные слова о великом таинстве любви, ее трагедиях и преодолении этих трагедий и что эти слова сама жизнь поставила в ряд прекрасных творений бессмертной русской литературы.

Сейчас, спустя двадцать лет, вспоминая это скорбное прощание с Ахматовой, уже из другого времени, с точки зрения нового опыта постижения жизни я читаю стихи Анны Андреевны:

Сказал, что у меня соперниц нет.
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умру, не стану он грустить,
Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!» —
Но вдруг поймет, что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.
...А что теперь?

Я произношу эти стихи и понимаю, что ее поэзия глубоко сочувствует человеку и проясняет его, делает его духовный мир осмысленным и прекрасным, существенным и значительным.

Я произношу эти строки, и они сливаются со стихами классической Сапфо:

Конница — одним, а другим — пехота,
Стройных кораблей вереница — третьим...
А по мне — на черной земле всех краше
Только любимый...

Они — эти два поэта — в одном ряду. Что из того, что между ними лежит пропасть времени! Они сестры, для песен которых не существует ни времени, ни пространства. Они служили одному солнцу жизни и любви.

В самой Анне Андреевне все было значительно — и внешний облик, и духовный мир. Как-то мне довелось вместе с ней ехать из Ленинграда в Москву в одном купе «Красной стрелы». Мы были знакомы раньше, но особенно близко судьба нас не стескивала. Не помню, о чем мы говорили тогда, но в памяти сохранилась одна фраза, сказанная Анной Андреевной: «Мы, поэты, — люди голые, у нас все видно, поэтому нам надо позаботиться о том, чтобы мы выглядели пристойно».

Я знал, что в ее жизни было много тяжелого, трагического. Знал из рассказов моих старших товарищей-литераторов, знал и по тем событиям, которые происходили у меня на глазах. Я помню собрание ленинградской художественной интеллигенции в Смольном и доклад Жданова, в котором он назвал творчество Ахматовой блудом в молитвенье. Я помню, как зал глухо молчал, угнетенный и оскорбленный. Но никто не возразил и никто не заступился за своих товарищей, зато нашлись подельники и подхалимы. Но никогда, ни в одной из книг Ахматовой я не находил отчаяния и растерянности. Никогда и ее саму не видел с поникшей головой. Она всегда была прямой и строгой, была человеком воинству незаметного великого мужества. Этому существенному качеству можно и нужно учиться у ее обаяннее правдивых книг.

Души высокая свобода, которой она обладала, давала ей возможность не гнуться под любыми ветрами клевет и предательства, обид и несправедливостей. О великом мужестве души поэта — самое трагическое ее произведение «Реквием». Сегодня его напечатили полностью, потому что правда — это не только кровь и слезы, но и очищение от скверны:

Нет, и не под чуждым небосводом
И не под защитой чуждых крыл,—
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Она проходила через все, как будто мир земных реальностей был для нее астральным. Она не то чтобы не обращала на него внимания, нет, ее волновало все в этом мире, но она умела с поразительной точностью о нем и для него оставлять свои заметы, знаки добра и удивления, знаки боли и сочувствия — в песне своего опыта.

И если мне сейчас, в будничной суете жизни, бывает невыносимо тревожно, я снимаю с полки том Ахматовой и отыскиваю поэму «У самого моря».

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила соленую косу
За версту от земли на плоском камне...

Я читаю эти строки, и меня начинает обступать музыка радости и света, музыка солнечных бликов и легких барашков волн, набегающих на золотой песок, меня начинает захватывать ощущение счастья жизни, я вижу провал в бесконечную глубину пронизанной солнцем синевы, чувствую запах моря, как запах вечности, наполняюсь свежестью этого юного мира, свежестью ветра с привкусом степной полыни.

Поэма захлестывает меня, как морская волна, и смывает с меня все пепел перегоревших раздумий о безыюности человеческого горя, суетная тревога становится осмысленной, пустыня неверия и отчужденности зацветает дикими маками веры, вырастающими на крови ненависти и расплаты.

Я очень люблю поэму «У самого моря», поэму вечной трагедии истинной любви, поэму вечного ее возрождения.

Смутный и ласковый мой царевич
Тихо лежал и глядел на небо.
Эти глаза зеленее моря
И кипарисов наших темнее,—
Видела я, как они погасли...
Лучше бы мне родиться слепойю.
Он застонал и невнятно крикнул:
«Ласточка, ласточка, как мне больно!»

Наверное, чудо поэзии в этом и есть — чудо умения преодоления своего горя снимать горе с другой, близкой по страданию души, возвращая ее к радости жизни. Ведь в конце концов жить — значит радоваться! ... И нам сочувствие дается, как нам дается благодать. Я понимаю: мудрость Тютчева была и ее, ахматовской мудростью, редчайшим свойством, дарованным истинному художнику, понимающему, что в самом деле «невозможно жить без солнца телу и душе без песни».

В ее теле жило это солнце, в ее душе жила эта песня. И она всю свою жизнь делилась с миром этими неубывающими редчайшими сокровищами. За это ей благодарны все, кто ищет общения с ее поэзией и умеет понимать ее благою исключительность.

Поэзия Ахматовой солнечна, проста и свободна, как ее юность. Она родная сестра прекрасной поэзии Эллады. Пусть у нее другой строй и ритм, другая музыка, это не мешает ей быть по-эллински вечно и вечной.

Когда я впервые увидел в Лувре статую Ники Самофракийской, то вслед за стихами Николая Тихонова вспомнил ахматовского «Рыбака». Вспомнил потому, что, как и стихи Тихонова, как сама статуя Самофракийской Победы, ахматовское стихотворение предельно просто и точно передает мысль о красоте проявления божественного, творческого духа человека. Эти явления искусства стоят в одном ряду прекрасного. Здесь одна и та же пластика — в слове и в мраморе, пластика предельно высокого мастерства.

Откуда пришло к ней это мастерство (стихотворение написано в 1911 году), эта филигранная выразительность слова, дающая заключенной в пей мысли эстафету вечности! Так начинался ее путь, путь совершенства, путь познания и самопознания, путь высокой ответственности души, самый тяжелый и единственно необходимый путь одаренных тайтой к познанию творческих натур. Уже первыми ее стихами подтверждается непреложный закон творческого труда: прекрасная мысль всегда находит себя в прекрасном выражении — иной и не может быть в высоком искусстве связь между формой и содержанием.

РОДИЛАСЬ А. А. Ахматова на юге России, в Одессе, в июне 1889 года, в семье отставного инженера-механика флота, но вскоре ее родители переехали в Царское Село, где она росла и занималась в гимназии. Если Эллада учила ее точности простоты, то Петербург и Царское Село учили ее душу глубине и осмыслительности. Она знала французский, читала в подлиннике Данте. Первыми из русских поэтов она узнала Державина и Некрасова. Потом уже открылся Пушкин, беззаветная любовь и удивление им прошли через всю ее жизнь. И там, где

Смутный отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,—
там и она оставила следы, уже ничем не изгладимые из русской поэзии.

Михаил Дудин

НЕПОВТОРИМОСТЬ ПРЕКРАСНЫХ СЛОВ

Анна Ахматова, как мне кажется, очень рано начала понимать, что писать надо только те стихи, которые если не напишешь, то умрешь. Без этой кандаальной обязательности нет и не может быть Поэзии. А еще, чтобы поэт мог сочувствовать людям, ему надо пройти через полосу своего отчаяния в пустыню собственного горя, научиться преодолевать его в одиночку. Ее окружала живая Поэзия, как теперь принято называть, Серебряного века. В поэтическом воздухе времени звучал голос Брюсова:

Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно Сестры.

И гордый Блок говорил Миру:

Узнаю тебя, жизнь, принимаю
И приветствую звоном щита,
И Андрей Белый уже понимал, как

Мир — рвался в опытах Кюри
Атомный, лопнувшего бомбой.

Характер, талант, судьба человека лепятся в юности. Юность Ахматовой была солнечной.

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.

Но в этой узорной тишине Царского Села и в ослепительной голубизне древнего Херсонеса трагедии шли за ней по пятам неотступно.

А муза и глухла и слепа,
В земле истлевала зерном,
Чтоб снова, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

И она восставала и снова бралась за свое. И так целую жизнь. Чего только не выпадало на ее долю! И смерть сестры от чахотки, и у самой кровь горлом, и разлад между матерью и отцом. Две революции, две страшные войны, трагическая гибель мужа Николая Степановича Гумилева, ссылка единственного сына.

И всюду клевета сопутствовала мне,
Ее ползуний шаг я слышала во сне
И в мертвом городе под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом и за хлебом.

Такие признания диктуют Совесть и Правда. Я держу в руках том Ахматовой и читаю: «В то время я гостила на земле. Мне дали имя при крещенье — Анна, сладчайшее для губ людских и слуха». Так она пишет о своей юности — торжественно, одически, а ведь мало кто знает, что, когда она узнала о том, что она Поэт, и поверила в эту неизбежность, не кто иной, как отец, запретил ей подписывать стихи отцовской фамилией Горенко, и она взяла фамилию своей прабабушки — Ахматова. Мир благодарен этому имени.

Я читаю книгу Ахматовой как откровение человеческой души, примером своим облагораживающей мою жизнь и жизни всех людей, которые склоняют головы перед песней ее откровения.

Из-под каких развелин говорю,
Из-под какого я кричу обала,
И снова все на свете раздарю,
И этого еще мне будет мало,
Я приоткрываю смертного змыю
И вечные навеки закрою дверя,
Но все-таки узнают голос мой,
И все-таки еще я опять поверяю.

Восточная мудрость гласит, что не каждую правду говорить нужно, но эта мудрость может плодотворно только лгистов. Творчество Ахматовой предельно правдиво и искренне.

Жизнь Анны Андреевны Ахматовой проходила в суровое время и не щадила ее нежную душу. Но эта душа оказалась стойкой, высокопротестной, способной переносить лишения вслеческих, словами Маяковского, «бед и обид» и вырабатывать из них открыто правдивую поэзию.

Водою пахнет резеда
И яблоком — любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь.

Как она умела добиваться такой сжатости и поэтической динамики, схожей с процессом превращения угля в алмаз. Здесь все просто и значительно, как в «Азбуче» Льва Толстого, по которой она училась читать. Все, что попадало в поле ее зрения, все, что вызывало в ней желание выразить увиденное и тронувшее ее душу словом, после ее замет становилось и оставалось вечным.

Я не знаю, сколько раз она бывала в Кировском. Это не имеет значения. Значение имеет то, что в двух строках:

Здесь Пушкина изгнанные начались
И Лермонтова кончили изгнание,—
она передала всю трагическую суть событий, связанных с этим местом.

КНИГА собрания стихотворений Анны Андреевны Ахматовой — очень емкая, масштабная книга о двадцатом веке, его трагедиях и надеждах. Ее стихи — как трава, вырвавшаяся

ся к солнцу на пепелище, трава вопреки всему густая, зеленая. Гуще и зеленее пресекшей, которая здесь росла, ноевал вырастает на пепле старой, как знак вечной жизни, вечного ее продолжения и преобразования.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная песенка на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

Анна Андреевна Ахматова любила жизнь во всем многообразии ее проявлений. Она любила свою родину — Россию. Это была прежде всего любовь к русскому языку, к его богатству, его поэзии. самая главная, самая верная ее любовь, подтвержденная всем ее многогранным, устремленным к совершенству творчеством.

Эта любовь индивидуальна и общезначима. Она исходит от нее одной, Анны Ахматовой, — ко всему миру. Об этом я думал и говорил в притихший зал в день ее похорон, а потом, вернувшись домой, наугад раскрыл ее книгу и застыл от неожиданности — передо мной была «Молитва», стихотворение, написанное в 1915 году:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молось за твоей литургией
После стольких таинственных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Она жила для великой земной любви и пела об этом, и в этом был смысл ее жизни, естественное состояние ее души. Она все замечала — и «осуждающие взоры спокойных загорелых баб», и хромого человека, обогнавшего тройку,

не пустой фразой, стало действием, добровольно взятой на себя обязанностью перед новой жизнью, стало судьбой. Никаких благ эта судьба не сулила, но в ней проглядывала великая правда времени, жестокого и многообещающего. Спустя три года, на развалинах своей прошлой жизни, Ахматова говорит уже невозвратимой, уже ненужной, уже отблесковой жизни, говорит себе и миру жестокою правду об испытаниях, о вере своей души в новое, еще непонятное, но ощутимо заманчивое начало жизни:

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелкоало крыло,
Все голодной тоской изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,—

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

Такова была ее извечная, просветленная болью, неизменно чистая любовь к России и к ее будущему, так она ждала этого будущего, так ему верила.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.

ЕИ ПОСВЯЩАЛИ стихи Блок и Пастернак. Ее портреты писали лучшие художники

времены — и реалисты, и сурреалисты. Слава не отходила от ее дверей, но она не то чтобы не пускала ее к себе, нет, она просто не придавала ей уж очень большого значения.

Она была необходима времени, и время было необходимо для нее в самых разных формах его проявления.

в которой ехала, человека с пронзительно голубыми глазами и со шрамом от железного «браслета» на руке. Она запомнила его голос, блаженный и звонкий одновременно, благословлявший ее ребенка: «Будет сын твой и жил и здоров».

Видимо, это было на тверской земле в усадьбе матери мужа Анны Ивановны Гумилевой, куда перед самой первой мировой войной она уехала из Петербурга, а потом вернулась, уже в Петроград, и вскоре разошлась с Н. Гумилевым, как расходятся две реки из одного русла в разные стороны, каждый к своей трагедии.

В 1912 году вышла ее первая книга стихотворений «Вечер». Несмотря на тираж триста экземпляров, книга стала заметным явлением в русской поэзии, а вышедшие через два года «Четки» подтвердили и расширили удачу «Вечера».

В русской поэзии появился новый мастер с удивительно чистым голосом, глубокая интимность которого усиливала его искреннее гражданское звучание.

Конечно, Ахматова не могла написать «Двенадцать» или «Левый марш». Это сделали Блок и Маяковский. Она писала другое:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глупый и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид.
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.
Так она писала в 1917 году, и высказанное в этом горьком стихотворении желание осталось

Враг будет разбит, и Победа будет за нами». Верила в это и Анна Ахматова.

Мы знаем, что нынче лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Анна Ахматова верила в Победу, звала народ к Победе, она вместе со своим народом победила самое страшное зло двадцатого века — фашизм. Великое русское слово, произнесенное Ахматовой: «Для славы мертвых нет», озвучено мрамором и бронзой памятников Гнева и Скорби нашим защитникам Родины.

Где елей искаленные руки
Зывали к ищенью — зеленеет ель,
И там, где сердце чьло от разлуки,—
Там жать поет, качая колыбель,
Ты стала вновь могучей и свободной,
Страна моя!

Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войны испепеленные года.

Она успела это увидеть, успела об этом сказать и точно, и впечатляюще просто. В сентябре 1941 года в блокадном Ленинграде вместе со всеми, с противотазом, перекинутым через плечо, она дежурила на крыше, а в 1950 году, тоже вместе со всеми, сажала тоненькие побеги лип на топкой и пустынной косе, где теперь десятки быстроразливых легких яхт на воле тешатся... Да, это парк Победы.

Анна Андреевна Ахматова была великой труженицей. Кроме лирики, она оставила нам прекрасные исследования, посвященные Александру Сергеевичу Пушкину, литературные воспоминания о сверстниках, «Поэму без героя» и «Реквием» — страницы высокой Правды Времени и Поэзии. Она много и плодотворно занималась переводами, на которых лежит отличительная печать ее вкуса и мастерства.

Талант Ахматовой был мудрым и хорошо знал, что подражание губит поэзию, раздвигает ее своей мнимой значимостью и общедоступностью. Крест индивидуальности таланта очень трудный крест, избавиться от него нельзя, и Анна Андреевна Ахматова несла его до конца своих дней. Он был ее мукой и утешением одновременно.

Многое еще, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим:
То, что, бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,
Или пробивается сквозь дым.
У меня не выяснены счеы
С пламенем, и ветром, и водой...
Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота,
И ведут за утренней звездой.

Когда ее возраст пересек семидесятилетнюю черту, когда ее черная челка, спускавшаяся на прямые строгие брови, освещенная зеленоватосерым светом удлинненных глаз, побелела и откинулась на затылок, обняв прекрасный высокий лоб, когда ее походка стала подчеркнутостепенной, к ней пришла слава, уже основательно верная, а не ветреная, как прежде, пришла и неотступно следовала за ней. Она ее не протояла и даже не иронизировала над нею. Она принимала ее как должное, без охов и ахов, с полным сознанием своего достоинства.

За два года до смерти Ахматова побывала в Италии, за год — на родине Шекспира. В Италии ей вручили премию «Этна-Таормина», в Англии — диплом почетного доктора Оксфордского университета. Она и это приняла как должное.

В 1965 году в издательстве «Советский писатель» в Ленинграде вышел одотомник ее стихотворений и поэм — объемистый том в белой суперобложке с рисунком, сделанным во времена «Вечера» и «Четок» в Париже ее другом художником Модильяни, Ахматова назвала одотомник «Бег времени».

Бег времени ее судьбы, ее жизни, ее поэзии завершился. Череда уходящих в глубь прошлого событий сделала Ахматову заметнее в мире не только поэзии, но и самой жизни.

Она не сетовала на возраст. Она и старость принимала как должное. Она была жизнестойкой, как татарник, пробивалась к солнцу жизни из-под всех развалин, вопреки всему — и оставалась собой.

А я иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник — только тень,
И веет ветер из глухого сада,
А под ногой могильная ступень.

ДВАДЦАТЬ лет назад, в промозглый мартовский день я стоял у ее изголовья и смотрел на ее гордое лицо с неподвижными ресницами. Я не знал тогда, да и теперь не знаю, какие тени витали над ее прекрасным лбом и плотно скатыми губами, что эти тени хотели сказать ей, что она могла им ответить... А воображать... воображать в минуты прощания не положено.

Мы ее похоронили под Ленинградом, в поселке Комарово на Карельском перешейке, на кладбище среди соснового леса. И летом, и зимой на ее могиле всегда лежат живые цветы. Розы. Ландыши. Цикламены. И ромашки тоже. Дорожка к ее могиле не зарастает травой летом и не заносится снегом зимой. Ветер с залива шумит в вершинах сосен, и они разговаривают, чуть раскачиваясь, между собою о чем-то своем, недоступном нам, людям. К ней приходят и юность, и старость, приходят женщины и мужчины. Для многих она стала необходимостью. Для многих ей еще предстоит необходимостью стать.

Такая у нее участь. Ведь истинный поэт живет очень долго и после смерти своей. И люди будут идти сюда долго, очень долго.

Будто там впереди не могила,
А таинственной лестницы взлет.

Мужество Правды и Поэзии ничего не боится и не боится, даже бессмертия. Оно выдержит и это испытание.

Нам есть на кого оглядываться, чтобы идти вперед, к торжеству разума и радости жизни, к родству истинных поэтов всех народов и времен. И в этот год, год праздника ахматовской поэзии, и у нее на родине, и во всем мире мне хочется низко поклониться повлиту жизни Анны Андреевны Ахматовой, жизни, исполненной любви и света.

Я не искала гибели,
Я славы не ждала,
Я под крылом у гибели
Все тридцать лет жила.

И эта ее жизнь «под крылом у гибели» была жизнью, достойной вечного признания и удивления.

Голос ее благороден.
Облик ее прекрасен.
Подвиг ее народен.
Смысл ее песен ясен.

Исповедью откровений,
Каждой своей строкою
Правда ее творений
Встала над клеветою.

И над стихом и прозой
Праздником в беге буден
Синей печальной розой
Тихо сияет людям.

И на своем примере
Выстраданного права.
Учит любви и вере
Горького слова слава.

● Фотопортрет А. А. Ахматовой выполнен приблизительно в 1926—1928 годах Павлом Лукницким.